

Вероника Киреева

Чуточка

сборник рассказов

Вероника Киреева

Чуточка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12197173

ISBN 9785447429492

Аннотация

Маленькие зарисовки обычной человеческой жизни, повседневной, ничем не примечательной, но как раз-таки в ней и раскрывается сущность советского бытия и советского миропонимания, когда хочется быть лучше себя самого, проникнуть в смысл вещей, узнать правду, подставить плечо товарищу. С легкой иронией и нежностью дотронемся кончиками пальцев до той прожитой жизни, улыбнемся и, быть может, увидим самих себя?

Содержание

Влюбленность	5
Флюорография	7
И желтый тот листок	20
Наивысшая цель	26
Все они одинаковые!	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чуточка

сборник рассказов

Вероника Киреева

© Вероника Киреева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Влюбленность

Хочется товарищи влюбиться. Чтобы летать над землей, чтобы парить! Чтоб все потеряло свой смысл. Стало бессмысленным, смешным, ускользающим. Не поймать, не узнать. Не запомнить. Какое оно?

И не спать ночами, и есть все подряд, и не знать всей правды и не понимать до конца. И всему верить, и ждать, и не замечать, что на улице дождь...

И все перепутать. Пролить, выронить, разбить вдребезги, разломать на куски. Оторвать. Взять не оттуда, принести не туда. Да берите, не нести же назад! Сварить, перекрасить, приделать фонарь.

Спрятать в кармане. Ночью вспомнить, достать. Бежать, запрыгнуть в трамвай. Упасть на траву и лежать. Меня нет, я как будто земля. Ходите по мне, мне все равно. А потом вырастут цветы, и она будет их срывать. А в них я.

Забыть, кто ты и что у тебя есть, потому что ничего нету, как оказалось. А у нее есть все. И глаза и ноги. И родинка на шее. И на плече. Охота рукой закрыть, чтобы не видел никто. Охота одному, а приходится со всеми.

И не слышать, а только смотреть. И не понимать. Откуда? Как? И молчать, а что говорить? Идти и вдруг подпрыгнуть высоко-высоко, схватиться за ветку, почувствовать как-какая она тонкая, вот-вот сломается, и листья к ней пришиты

из ткани. А потом провести рукой по лицу, и запах этот, чтоб проник глубоко внутрь и остался там.

И лежать с открытыми глазами и смотреть перед собой и видеть стенку. А за стенкой тоже лежит кто-то, тоже смотрит. Что она сказала? И потом рассмеялась, закрыв рот ладошкой... Была бы ночь длинной, чтобы лежать вот так долго, неподвижно, будто тела нет вовсе.

Есть одни глаза. А утром бежать и не знать, не уметь. Скажите как? Куда? Снова не туда, не оттуда. И все перепутать, рассыпать, пролить. Разломать на куски, разбить вдребезги, потерять, пока нес. Искать, наступить, оторвать, выбросить. Сколько можно?

Сварить, перекрасить. Приделать фонарь.

Флюорография

Как выйти из дома? В том то и дело, что никак! Я уже и в магазин выходил и к товарищу в больницу, а что сочинить, когда не пускают? У двери прям стоят, и еще полотенцем хлещут?

Я вынужден истории какие-то придумывать! Изобразить боль в пояснице, чтобы Зина отпустила меня к доктору. А мне бы только из дома выйти и попасть на встречу с товарищами. Да мне вообще непонятно! На работу значит, пожалуйста, иди хоть с пяти часов утра и до поздней ночи, а как отдохнуть в кругу друзей, так нет!

Так Зина хочет занять меня как-то, чтобы я с молотком скакал, с наждачной бумагой! Позабыл про товарищей, про своих, а мне противно все это! То ей дуршлаг подержи, то стремянку, то с балкона белье принеси. Мне не присесть!

Так я каждый день диван переставляю, то к одной стене его придвину, то к другой. А Зина довольная, звонит своим подругам, рассказывает какой я молодец, диваны туда-сюда таскаю, на месте не сижу!

Да я поизмотался весь! Не знаю, как из дома уйти, как присоединиться к культурному отдыху.

– Зина, – говорю я, – у Гены жена родила.

– И что теперь? – как будто бы не понимает она.

– И то! – говорю я. – Надо кроватку собрать, полы помыть,

окна! Чтобы Галя приехала из роддома в чистую квартиру.

– Ну, надо же! – не верит Зина.

– Мне надо клей обойный купить, – говорю я, – мы будем обои клеить в прихожей, а Генка за ванночкой побежал, за пеленками...

– Пусть бутылочки сразу купит! – запереживала Зина. – И соски!

– Так что, – говорю я, а сам валик ищущий малярный, – я побежал, надеюсь, что к выписке успеем...

– Ой, ну какое же счастье! – радуется Зина. – А ты надолго?

– Да откуда ж я знаю? – удивляюсь я. – Может, еще стены придется красить, – я быстро надел ботинки и выскочил за дверь.

– А кто родился-то? – Зина выскочила за мной на лестничную площадку.

– Девочка! – придумал я. – Три четыреста пятьдесят!

Выбежал я на улицу, а мне не верится, что я на свободе! Что мне не надо диван перетаскивать, ведра с плиты снимать, на Зину смотреть весь вечер. А я устал! Так она никуда не уходит! Сидит возле меня, караулит, будто я ее собственность! Будто я пылесос.

Да у меня зла не хватает! Нет бы, к подругам сходить, на курсы макраме, в парикмахерскую. Нет! Волосами завешается, и будет сидеть. И как мне жить с ней? Да я вообще расстроился, думаю, а что если вернуться и сказать ей всю

правду?

Зина, сказать, никто не родился, извини. У Гали то голова болит, то ей некогда, а я хотел просто с товарищами повидаться, выпить, посмеяться... Только ты бы не отпустила меня никуда, и поэтому я наврал. Прости. Ну а что мне делать? Чтобы уйти из дома я буду все время врать?

Все время придумывать? Что у всех понародились дети, что Миха ногу сломал, а Кольку бросила жена, и он чуть ли не прыгнул с балкона? Я же все делаю, и мусор выношу, и половики трясу и работаю еще при этом. Не надо забывать! И что же, я не могу с товарищами встретиться? Могу!

Да и Зина. Сварила борщ и, пожалуйста! Иди куда хочешь! Я ее несколько не держу. Хоть на концерт, хоть на выставку. Надо иди и сказать правду! Развернулся я и домой пошел. Захожу в квартиру, смотрю, а у порога две пары женских туфель стоят. Прохожу дальше, смотрю, за столом Зина сидит с двумя бабами и одна из них Генкина Галя!

– Ой, – говорит эта Галя, – да давайте я позвоню, и через десять минут они приедут. Красивые, загорелые, молодые, что мы сидим просто так?

– Да правда что! – обрадовалась другая баба с рыжими волосами.

– Да как-то неудобно, – заволновалась Зина. – А они хоть нормальные?

– Они порядочные, – уверяет Галя. – Я с ними в поезде познакомилась, когда от мамы ехала из Воронежа. Хорошие

спортивные ребята, мастера спорта, не курят, не пьют...

– Так, а что же мы делать-то с ними будем? – удивляется Зина. – Щами их кормить?

– Да ты хоть на мускулы посмотришь, – уговаривает Галя. – Я так всю дорогу смотрела, потом три ночи не спала. У Гены у моего таких нету, да и у Валеры твоего тоже!

– Надо звонить! – настаивает рыжая баба. – Может, это моя судьба?

– Где телефон? – спрашивает Генкина Галя. – Они нам шампанского принесут, торт.... Наши же мужья нам торты не покупают, – тут они все вместе тяжело вздохнули. – По-едем хоть конфет шоколадных, посмеемся, – не успокаивается Генкина Галя.

– Звони! – не выдержала Зина. – Я хочу торт и шампанского!

А я вообще стою и не верю. Думаю, может мне за Генкой сходить? А пусть посмотрит, чем жена его занимается, когда он культурно отдыхает с товарищами. А она в поездах знакомится! Телефоны берет от мужиков, потом им названивает и приглашает в гости к замужней подруге.

Вышел я тихонько за дверь. Что делать? За Генкой идти? Или пойти постоять в подворотне, а через часик нагрнуть? Посмотреть, как они будут смеяться? Как будут конфеты жрать? Или пойти занять денег и купить Зине бутылку шампанского и торт? А я и не знал, что у нее такие желания!

Она же говорит капусты купи, молока, сметаны, а поче-

му бы не сказать правду? Или думаю, пойти к товарищам и спокойно провести с ними вечер? А Зина пусть веселится. Пусть! Побежал я к товарищам скорей, думаю, расскажу им, как я домой вернулся, как прощения хотел попросить, а там такое!

А у Михи уже все собрались, меня увидели, обрадовались. Генка смотрю, сало сидит, нарезает и даже не знает, что его Галя спортсменов с шампанским ждет и не где-нибудь, а у Зины!

– Мужики, – говорю я, – что делать? Я обманул Зину. Сказал ей, что Галя Генкина родила, и нам надо обои поклеить, – я показал всем малярный валик. – И что вы думаете? Зина меня спокойно отпускает, еще спрашивает надолго? А откуда я знаю?

– Да как моя Галя родит, – удивляется Генка, – если у нее голова болит и ей все время некогда?

– Наливайте мужики, – говорит Миха, – что сидеть?

– Вышел я из квартиры, – говорю я, – и вдруг понял, что не хочу жить во лжи. Не хочу! – я с отчаянием опрокинул стопку и захрустел малосольным огурцом. – Вернулся я домой, думаю, скажу Зине правду, что Галя не родила, и я не к Генке пошел обои клеить, а к Михе. Что мне нужны товарищи мои, – я обвел всех любящим взглядом, – и она не имеет права лишать меня отдыха с коллективом!

– Не имеет! – поддержали все.

– Вернулся я домой, – продолжаю я, – и вдруг слышу

на кухне разговор. Твоя Гена Галя, которая должна быть в роддоме сидит с Зиной и с еще одной бабой за столом, выпивает и предлагает позвонить каким-то спортсменам и пригласить их к Зине в гости...

– Так моя Галя, – не может поверить Генка, – поехала к сестре шить шторы!

– Этих спортсменов Галя встретила в поезде, – говорю я, – когда ехала от мамы. У них есть и мышцы и мускулы, сказала она. Они не курят, не пьют, поэтому она взяла у них номер телефона, чтобы встречаться с ними и смотреть на их загорелые молодые тела!

– Наливайте мужики, – говорит Миха.

– А я не пойму, – говорит Генка, – почему Галя такая грустная приехала, и сидит она и вздыхает, и на меня как-то странно смотрит. Так конечно! Я же не спортсмен! Куда мне!

– Но самое главное, – я снова опрокинул стопку и с грустью стал жевать сало, – моя Зина согласилась. Я хочу шампанского, и торт сказала она, наши же мужья нам торты не покупают, а эти купят!

– Можно подумать, они голодные сидят! – стал возмущаться Колька.

– И что нам теперь делать? – спрашиваю я. – Пойти домой и посмотреть на них? Как они там веселятся вовсю?

– Надо идти! – засобирился Генка. – И набить им всем морды!

– Так они же спортсмены! – заволновался Колька.

– А если нам с Генкой пойти в магазин, – говорю я, – купить шампанского и торт? Гена будет ждать дома Галю, отжиматься и качать пресс, и когда она придет, то увидит, как он занимается со штангой, а на столе ее ждет сюрприз! Она очень удивится, выпьет шампанского, и у нее пройдет голова. И через девять месяцев она действительно окажется в роддоме, а мы будет клеить обои и мне не придется врать!

– Да не буду я отжиматься, – говорит Генка, – мне больше заняться нечем!

– Ты можешь начать с упражнений для спины, – советует Гошка. – А пусть Галя увидит, что ты тоже занимаешься спортом! Что ты нисколько не хуже!

– А почему я хуже-то? – удивляется Генка.

– Так, а чё Галя сразу-то за спортсмена не вышла? – не понимает Колька. – Выходила бы, да и жила. На мускулы бы смотрела!

– Да пусть она хоть завтра выходит! – в сердцах восклицает Генка.

– Сегодня ей спортсмены нравятся, – говорит Миха, – завтра пилоты, послезавтра анестезиологи. И что? Вышла замуж за механика, так будь добра живи!

– Никуда не ходите, мужики! – запереживал Колька. – Это в поезде все кажется таким романтичным, а в жизни все не так! Я как-то от мамы ехал из Саратова и познакомился с одной прекрасной очаровательной женщиной. Так она мне и чай принесла, и пирожки домашние с капустой и полночи

мы напротив друг друга лежали и шептались...

– Шептались? – а мне поверить не можем, что Колька в позе шепотом разговаривал!

– Я домой-то приехал, – рассказывает Колька, – и не могу! Охота ей позвонить, охота увидеть. Сказал жене, что мне надо флюорографию сделать, а сам побежал скорей в автомат! Звоню, а руки трясутся, ноги подкашиваются. Лена, говорю, а она говорит, пиши адрес. Я тебя жду!

– Да ты что? – а нам не верится, что все так просто!

– Я к ней прихожу, – говорит Колька, – она меня встречает в красном пеньюаре, на столе шампанское, на кровати лепестки роз. Я в первый раз такое увидел!

– Прямо лепестки? – а нам вообще непонятно. Зачем?

– И как давай, она прыгать возле меня, – говорит Колька, – как давай скакать. Ты говорит, будешь голодным охотником, а я буду непослушной маленькой овечкой, которая убежала от пастушка. Я сейчас говорит, спрячусь, а ты будешь меня искать.

– Вот здарсьте! – а мы вообще удивлены весьма.

– Мне пора домой, время десять, – говорит Колька, – а она залезла в шкаф! Ты говорит Коля злой разбойник, а я робкая невинная девушка, переживающая расставание с родителями. И пока она сидела в шкафу, я убежал!

– А как же флюорография? – не понимаем мы.

– Так она разыскала мой номер телефона, – говорит Колька, – стала названивать мне домой, рыдать в трубку, угро-

жать, что если я не приду к ней сейчас же, она спрыгнет с пятого этажа!

– Да ты что? – а мы даже не знали, что бывают такие нервные люди.

Так, а что удивляться, если она оторвала лепестки от роз, да еще кинула их на кровать! Додумалась!

– Целый месяц она трепала мне нервы, – говорит Колька, – выслеживала меня после работы, признавалась в любви, говорила, что жить без меня не может, что нам нужно поговорить. Я приходил к ней домой, думая, что мы поговорим, а она доставала веревки и говорила, свяжи меня ими крепко-прекрепко, как будто бы я советская разведчица, попавшая в немецкий плен, а ты унтер офицер с Либхерштрассе. Ты тайно в меня влюбился и рискуя своей жизнью, развязал их!

– Нам такого никто никогда не говорил... – в растерянности говорим мы.

– Так что эти спортсмены, – говорит Колька, – прекрасные только в поезде. А в жизни ничего хорошего! Так что сидите, мужики вместе с нами, Миха наливай!

А мы с Генкой забыли совсем, что наши жены со спортсменами сейчас шампанское пьют и конфетами заедают. Да и пускай! Что мы, будем бегать смотреть за ними? Выпили мы, посидели.

– Так, а где эта женщина-то? – спрашиваю я.

– Не знаю, – вздыхает Колька. – Ездит, наверное, по поез-

дам, находит таких, как я...

– Так и Галя, – говорю я, глядя на Генку, – тоже ведь по поездам ездит!

– Да откуда у Гали такие фантазии? – удивляется Генка.

– Ну да, – говорю я. – Она же только шторы может у сестры шить!

И как-то грустно-грустно нам стало... Посидели мы еще, помолчали, да и по домам разошлись. Я пришел весь в раздумьях, смотрю на Зину, а она, как ни в чем не бывало, лежит, телевизор смотрит.

– Ну что? – говорит. – Наклеили?

– Наклеили, – говорю я, а сам по сторонам смотрю.

Может, думаю, пока меня не было, все в шкафах тут сидели? Веревками друг друга связывали?

– Ой, – причитает Зина, – а я пока белье перестирала, пока бульон сварила на завтра... Иди мне ноги намажь...

Пришел я к ней с мазью, а она на меня смотрит как-то странно.

– Валера, – говорит, – а давай я будто бы ногу подвернула в лесу, а ты лесник. Добрый, старый лесник с седой бородой. Ты сейчас достанешь мазь из котомки, и будешь мазать мне пятки...

– Зина, – опешил я.

– Ну, хорошо, – говорит она. – Тогда я буду молодой неопытной девушкой, которая заблудилась в лесу. Ау, ау, – ни с того ни с сего прокричала она. – А ты будешь доктором.

Добрый веселым доктором, детским педиатром! Ты тоже заблудился, а как вас зовут? – игриво спросила она.

– Меня? – не понял я. – Меня Валерой зовут. Ты что, пила?

– Здесь так жарко, – говорит Зина, обмахиваясь газетой. – Валерий, а вы слышали, что в этом лесу живут разбойники? Они отнимают деньги и лекарства. Ой, – она испуганно стала оглядываться по сторонам, – слышите? Я слышу чьи-то шаги.... Это они!

– Зина, – а я начинаю понимать, что она пьяная!

– Идите скорее сюда, – она схватила меня за руку и стала затаскивать на диван. – Какой же вы неповоротливый! Давайте накроемся одеялом, только не вздумайте чихнуть, – она набросила на нас одеяло и стала шептать в темноте какие-то неприличные слова.

А я вообще не понимаю, что с ней происходит! Всегда была спокойной разборчивой женщиной, а тут вдруг здрасьте! Так, значит, Генкина Галя дозвонилась до спортсменов, те приехали с шампанским и они тут прыгали, скакали, прятались по шкафам! Те свои мышцы показывали, мускулами перед ними трясли.

– Зина, – говорю я, выбираясь из-под одеяла, – а хочешь, я пойду сейчас и куплю тебе шампанского?

– Что? – не верит она и снова набрасывает на меня одеяло. – Они уже близко! Я слышу шаги!

– А хочешь торт с орехами и шоколадом? – спрашиваю я.

– Торт? – не может понять она. – Валера, скажи мне сразу, у тебя кто-то есть?

– Да никого у меня нету, – говорю я, а мне уже душно. Да я вообще задыхаюсь!

– Нет-нет! – говорит она и чуть не рыдает. – Скажи мне правду! Ты был у нее?

– Да я у Миши был, – говорю я. – И обои я Зина не клеил, я выпил сто грамм и домой пришел. Так давай я за шампанским схожу, – я соскочил с дивана и стал одеваться. – Выпьем с тобой за дружбу за нашу.

– За дружбу? – а Зине невдомек, что я не капусту хочу купить. Не кусок колбасы. Не ставриду в масле! – Ну, интересно, – она стала разглядывать меня с ног до головы. – И кто же она? Продавщица из бакалеи?

– Ну, все, я пошел, – я поцеловал ее в щечку. – Скоро приду. Ты будешь медсестрой, а я пожарником...

– Я все поняла! – она прыгнула с дивана и схватила меня за рукав. – Ты снова пошел к товарищам, да? Не наговорился еще? Не напился? А я понять не могу, куда ты собрался, за каким таким тортом!

– Зина...

– Да иди ты куда хочешь! – она толкнула меня со всей силы. – Я-то дура поверила, а тебе же лишь бы из дома уйти! Так иди! – она распахнула со злостью входную дверь. – Иди!

– Зина... – опешил я.

– Не надо мне ничего, слышишь? – она стала выталкивать

меня за дверь. – Ни шампанского, ничего! Надо же! В магазин он пошел! За тортом! Иди-иди! – она вышла за мной на площадку. – Как же ты заврался, ни стыда у тебя нету, ни совести! Ну что ты стоишь? – она посмотрел на меня злобыным взглядом. – Иди к своим дружкам забулдыгам, ты же без них жить не можешь!

– Да я в магазин пошел, Зина!

– Хватит! – она в отчаянии встряхнула волосами и с грохотом закрыла за собой дверь.

Спустился я вниз по лестнице, вышел во двор. Как же так? Мне придется к Михе идти, а что делать? Пришел я к Михе, а у него уже Гена сидит, сало режет.

– Я же, – говорит, – домой пришел, а Галя скучная сидит, на меня даже не смотрит. Я говорю, давай я в магазин схожу, шампанского куплю, а она очень удивилась, не может поверить. А что тут такого? – он посмотрел на нас. – Я что, уже шампанского своей жене не могу купить? Так она такой скандал закатила, ты говоришь, не в магазин пойдешь, а к товарищам... Выгнала меня из дома и где мне теперь жить?

– Меня Зина тоже выгнала, – говорю я. – А что мы сделали? Ну что?

– Да поживите вы у меня, – успокаивает нас Миха. – А жены никуда не денутся, наливай.

Выпили мы, закусили, и так обидно мне стало. Мы ведь ничего не сделали!

Я так вообще хотел пожарником стать...

И желтый тот листок

Как же жить и ничего не придумывать? А я не могу! Каждый день приходится сочинять какие-то истории, а чтобы никого не расстраивать, не подводить. Да мне людей жалко! Ведь не каждый может выдержать правду. Не каждый!

А женщины так тем более! Если они будут знать обо всем, то разве смогут быть красивыми и уж тем более здоровыми? Да, конечно же, нет! Будут злиться, ругаться, кидаться кастрюлями, плохо спать, много есть. И кому от этого хорошо?

Уж не лучше ли придумать историю? Прекрасную, трогательную историю, полную каких-то иносказаний, чтобы женщина всплакнула, обняла обеими руками, налила тарелку борща и весь вечер смотрела удивленными глазами.

И я такой тихий и робкой лежал себе на диване, и никто меня не преследовал, не уничижал, не высмеивал. Не осквернял словами. Да ради этого я готов и дальше рассказывать истории и преуспевать в этом деле благом!

Поэтому и на работу я прихожу в хорошем настроении, смеюсь и танцую. А что унывать, когда жена моя ничего не знает. Спит хорошо, в меру ест. Спокойная, стройная, штаны вон постирала, рубашку погладила. У других-то от рук уж давно отбились, делать ничего не хотят, а у меня все хочет!

Пришел я на работу, ну как же думаю прекрасно быть сре-

ди товарищей, в своем родном творческом коллективе! Хоть тут думаю можно не притворяться, можно ничего не выдумывать, быть собой!

А к нам как раз комиссия приехала. Давай вопросы разные задавать, на плакаты смотреть, на планы эвакуации со второго этажа. Зашли ко мне в кабинет безопасности, а я сижу и таблицу черчу. Хочу расчертить и вписать каждого работника, который хоть раз побывал в моем кабинете.

А комиссия противогазы давай считать, проверять все ли на месте? Говорят, где еще четырнадцать штук? Потом огнетушители стали считать, и снова не хватает, а я не растерялся и тут же рассказал им историю о том, что у нас был пожар.

– Загорелись склады с гипсокартоном, – трагически сказал я. – Четырнадцать человек надели на себя противогазы, взяли в руки огнетушители и отправились тушить пламя огня!

Комиссии понравился мой ответ, они сразу же захотели пойти и пожать руки этим смельчакам, но я тут же сказал, что они не на работе.

– У них сейчас сложный период в жизни, – сказал я. – Идет переоценка ценностей...

Комиссия одобрительно покачала головой и похвалила этих людей за героизм и отвагу.

– Мы бы поступили точно также, – сказал человек в очках, и посмотрел на своих товарищей влажными от слез глазами.

– Да-да, – тихо вторили ему остальные.

Но тут вдруг зазвонил телефон.

– Это кто-то из ребят, – сказал я и поднял трубку.

– Валера! – это был голос Федора Афанасьича. – Задержи комиссию, я тебя прошу, покажи им фотографии...

– Геннадий! – радостно воскликнул я. – Как же хорошо, что ты позвонил! Как ты себя чувствуешь?

– Своди их в красный уголок, – взволнованно говорил Федор Афанасьич, – я не знаю, у нас там конечно такой бардак...

– Ожоги пройдут, – сказал я Федору Афанасьичу. – Главное, что ты живой и тебе делают перевязки, а мы приедем к тебе завтра, привезем твой любимый яблочный пирог...

– Передайте от нас привет, – шепотом сказал человек в очках, – пусть поправляется...

– Да-да, – тут же прошелестели остальные.

– Тебе тут комиссия привет передает, – говорю я Федору Афанасьичу, – поправляйся и скажи всем ребятам, что мы их очень любим...

– Валера, – зычно зазывал Федор Афанасьич, – отведи их в библиотеку, пусть они посмотрят на портреты русских писателей. Я щас Тамаре позвоню, скажу, чтобы она пыль протерла...

– Держитесь, мужики, – сказал я с надрывом, – жизнь для того и дана, чтобы ею рисковать...

– Это верно, – закачал головой человек в очках

– Да-да, – тут же подрежали остальные.

– Минут двадцать еще, – говорит Федор Афанасьич, – и можешь в столовую их вести, там как раз столы накроют и плиты вымоют...

– Хорошо, Гена, – сказал я Федору Афанасьичу, – конечно, и колбасы докторской, я щас запишу, – я стал писать на бумажке слово колбаса. – Давай, брат, у нас тут комиссия...

– Ничего, ничего, – тихонько сказал человек в очках, – мы всё понимаем...

– Да-да, – тут же подхватили остальные.

– Пройдемте в красный уголок, – пригласил я комиссию и положил, наконец, трубку. – Надо взять книги в библиотеке и отвезти завтра товарищам, – я тяжело вздохнул и с задумчивостью посмотрел в окно.

– Так пойдемте в библиотеку! – тут же предложил человек в очках. – Посмотрим, что у вас есть, я знаю несколько прекрасных писателей, которые пишут о природе...

– Это должно помочь, – сказал я и с надеждой посмотрел на комиссию.

Не мешкая ни секунды, мы отправились в библиотеку, и нашли там сборники русских поэтов, чему человек в очках был несказанно рад. Он открыл страницу и стоя перед нами начал читать.

– Как ни гнетет рука судьбины, – торжественно начал он, – как ни томит людей обман, как ни браздят чело морщины, и сердце, как ни полно ран, – тут он подумал о наших ребя-

тах, лежащих в данный момент в больнице. – Каким бы строгим испытаньям, вы ни были подчинены, что устоит перед дыханьем и первой встречей весны? Прекрасные строки, это как раз то, что надо!

– Да-да! – тут же согласились остальные.

– Какое счастье: и ночь и мы одни! – снова начал читать человек в очках. – Нет, нет, это не подходит.... Устало всё кругом: устал и цвет небес, и ветер, и река, и месяц, что родился.... И ночь, и в зелени потусклой спящий лес, и желтый тот листок, что, наконец, свалился, – он на мгновение задумался и продолжил. – Всё товарищи устает, и мы с вами и природа...

– Пройдемте в столовую, – сказал я, – пора присесть и немного передохнуть.

– Это прекрасно предложение! – обрадовались все и мы без промедления покинули библиотеку.

А в столовой нас ожидал Федор Афанасьич с передовиками производства. Они радостно хлопали в ладоши и смотрели на меня с большой благодарностью. Мы тут же сели за накрытые столы, стали обедать и говорить о производственных задачах. На плиты даже никто и не взглянул, потому что комиссия проголодалась и была под впечатлением услышанных триад.

А вечером мы выпили с товарищами, потому что невозможно было не выпить, и домой я пришел выпимший и уставший. Галя презрительно смерила меня взглядом и хо-

тела, было плюнуть в лицо, но я посмотрел на нее сквозь слезы и печально сказал, что у нас на заводе был пожар.

– Горели склады с гипсокартоном, – с трудом сказал я, – и теперь мужики лежат в больнице.

Галя тут же пришла в себя, помогла мне раздеться и лечь на диван. И я лежал на нем весь вечер и был задумчивым и строгим. Я как будто бы всматривался в самого себя и пытался понять, как переплетаются человеческие судьбы, а Галя была тиха. Она смотрела на меня так преданно, так нежно....

А скажи я, что мы выпили, потому что у нас комиссия была, то она бы не поняла ничего! Кидалась бы посудой, оскверняла меня разными словами, а потом бы рыдала и жаловалась своей мамаше...

Пусть уж лучше будет пожар. Будут герои. Будут прекрасные книги, которые я принес из библиотеки.

И желтый тот листок, что, наконец, свалился....

Наивысшая цель

У всего товарищи есть цель, и она прекрасна! Взгляните хотя бы на луну. Даже она существует для того, чтобы светить по ночам в глаза, чтобы мы не спали, а думали о смысле жизни. О высоком предназначении быть людьми.

Ведь только ночью, лежа в кровати начинаешь понемногу задумываться, как-то вникать в существующий порядок вещей и понимать, что он все-таки существует по субботам, когда вымыта вся посуда и полы в коридоре.

Или взять, к примеру, очереди. В нашей стране их создают специально, чтобы научить наших женщин ждать и надеяться, на то, что хватит. Ну а если не хватило, то нужно разделить радость с теми, кому хватило. А тем, кому хватило нужно разделить всю горечь и досаду с теми, кому не хватило.

Поэтому, только в очередях наши женщины помогают друг другу развивать в себе эти качества, столь необходимые для семейной и общественной жизни. Ведь способность стоять на одном месте и надеяться украшает любую более или менее порядочную женщину.

А взять тех же соседей! Они тоже живут с определенной целью, чтобы названивать во все двери и сообщать, что у них закончились спички, не хватило яиц и на балконе обнаружены чьи-то трусы пятьдесят второго размера.

Так и мы к ним тоже стучимся, то сахара нету, то соли. То хлеб забыли купить. То перестала нравиться собака с четвертого этажа, а как не сказать соседям? Для того-то и живем мы как одна большая семья, чтобы друг другу рассказывать, чтобы делиться со всеми стульями, тазами, банками. Пассажиями и плоскогубцами.

В этом и заключается наивысшая цель нашего существования.

Отдавать то, что есть. И брать то, чего нету.

Все они одинаковые!

Я приехал на курорт и через два дня понял, что моя жена мне вообще не нужна! Вокруг меня лежат прекрасные женщины и все они культурные, вежливые, с мягкими манерами. Никто грубого слова не скажет, не накричит, не нахлещет полотенцем...

Все в купальниках загорают, смотрят задумчиво вдаль, думают о смысле жизни. О вечности... И я, глядя на них, тоже стал задумываться. Стал понемногу понимать, откуда льется вода прямо на голову, из каких радиорубок слышится голос, и мне стало казаться, что рядом с ними моя жизнь становится более радостной, более светлой...

Так они даже в столовой продолжают размышлять о прекрасном, медленно и молча пережевывают пищу и в каждом их движении столько грации, столько поэзии. И хоть бы одна кинула тарелку или стала пересчитывать ложки, или полезла искать припрятанные полбутылки.

Да я будто попал на другую планету, где женщины книжки читают, играют в бадминтон, плавают, ныряют. Смеются просто так! Да мне сразу познакомиться захотелось! Захотелось гулять по вечерам. Я и забыл, что у меня дома жена, которая ждет меня с нетерпением, чтобы я, наконец, банки ей принес с гаража!

Притащил из лесу две корзины грибов, два ведра ягод.

А зачем я еще нужен? Чтобы рассветы со мной встречать? Слушать, как в кустах поет иволга? Полонезы танцевать? Неси ей продукты из магазина, трясги половики, вытаскивай ведра. Еще и всю зарплату отдавай и ноги натирай.

И даже мысли не возникает пойти со мной в лес, посидеть вечером у костра, переночевать в палатке... А что ей со мной таскаться, смотреть на красоту заходящего солнца, когда она на диване лежит, телевизор смотрит. Потом в ванне сидит два часа, журналы читает, а потом у плиты стоит, кидает все подряд в сковородку.

И в этом вся жизнь! Хорошо хоть можно вырваться и на курорт приехать. Посмотреть на настоящих женщин, послушать их беззаботный смех, посмотреть, как они неторопливо прогуливаются в соломенных шляпках, и в их руках нет сумок с колбасой.

Да я уже познакомиться хочу! Хочу гулять при свете луны, слушать приятную речь и не о сапогах, которых не хватило, и не о том, что моль съела воротник и пора клеить обои в прихожей. Нет!

И тут как-то на пляже я заметил одинокую симпатичную женщину. Она лежала недалеко от меня и смотрела задумчиво вдаль. Быть может, она поэтесса подумал я, или пианистка? А может быть продавщица из спорттоваров? И так она мне понравилась, что я даже в столовой подсел к ней за столик и также медленно и непринужденно стал жевать листы капусты с сельдереем.

Она оказалась на редкость сдержанной, и все время смотрела в окно, либо на салфетки. А я радовался где-то внутри себя и думал, как мы будем гулять с ней по набережной и рассматривать картины местных художников... А потом будем сидеть на берегу, я накину ей на плечи свой пиджак, и она расскажет мне о чем-то таком, о чем мне никто не рассказывал...

И мы проведем этот отпуск вместе и я, наконец, узнаю каково это быть рядом с настоящей женщиной, не обремененной повседневными заботами и низменными желаниями забрать всю твою получку и тут же ее потратить!

После обеда мы ушли каждый в свой номер, потом на процедуры и вечером снова оказались на пляже. Моя незнакомка была все также загадочна и еще больше притягивала мой взор. Я рассматривал ее плечи, ее развевающиеся волосы и думал почему-то о Зине. Может, думал я, надо ей позвонить? Сказать, что я все-таки доехал, что был уже на трех процедурах...

И быть может, она заскучала и ждет меня, чтобы отправиться в лес и там, на большой поляне развернуть одеяло, и сидя на нем, пить чай и есть пирожки... А потом бегать среди деревьев, обниматься и смотреть друг другу в глаза...

Перед ужином я пошел на телеграф, мне было интересно услышать Зинин голос. Все-таки мы вдаль друг от друга и она наверняка скажет что-то хорошее, чего я даже не ожидаю услышать. Дождавшись своей очереди, я зашел во вто-

рую кабину и вскоре услышал Зинин голос.

– Ало! – говорила она. – Валера это ты?

– Ну конечно я, – рассмеялся я. – У меня все хорошо, я уже на массаж сходил, скоро на ужин пойду. Как ты?

– Не могу найти сиреневое покрывало, – говорит она, – ума не приложу, куда я его положила. Ты не видел?

– Нет, – говорю я. – Какая у вас погода?

– Дожди замотали, – жалуется Зина, – а у меня даже сапог резиновых нет! Я же сто раз тебе говорила, что у меня нет сапог, а ты разве слышишь? Ты же только себя одного слышишь, больше никого!

– Ну ладно, – говорю я, – у меня ужин через двадцать минут, я на днях позвоню...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.